Никишкин Александр Владимирович
канд. юрид. наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естественных наук (РАЕН), полковник полиции
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД России»
г. Санкт-Петербург

ДЕРЕВНЯ ИЖОРА: МАЛЕНЬКАЯ СТРАНИЦА БОЛЬШОЙ ИСТОРИИ

Аннотация: *в статье идет речь о деревне Ижора, название которой само по себе является памятником коренному народу этих земель, давшему имя и одноимённой реке, и целой исторической области – Ижорской земле. Судьба Ижоры – характерный сюжет для всей сельской Ленинградской области: дореволюционное владельческое селение, военная трагедия, спад и дачное возрождение. Автор делает вывод, что пока деревня существует, жива и её история – от ижор и инкери до сегодняшних жителей и дачников.*

Ключевые слова: *анкета переписчика, страница атласа, древний край, семейная реликвия, дворянский род, подлинное величие, крошечное селение, чересполосица народов, семейные хроники, двухвековая память, многовековое соседство народов.*

Есть на свете деревни, которые кажутся маленькими только на первый взгляд. Их не найдёшь на первых страницах атласов, об их имена разбиваются анкеты переписчиков – слишком короткое, слишком скромное. Но стоит прикоснуться к слоям времени, как выясняется: под этой хрупкой скорлупой скрыто ядро, способное выдержать всё – смену империй, войны, забвение. Деревня Ижора, затерянная в северо-западном углу Гатчинской земли, – именно такая.

Всё началось с названия. Ижора – имя, в котором слышится шум одноимённой реки и отзвук Ижорской земли, древнего края, помнившего ещё варяжские ладьи. Народ ижора, коренной житель этих берегов, дал своё имя реке, земле и, в конце концов, маленькому селению, которое появилось на карте гораздо позже, – можно сказать, унаследовало имя как семейную реликвию, переданную самим временем.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Это ли не первый дар величия: деревня, чьё название старше её самой? Ижора носит имя целого народа – как дворянский род носит фамилию предков.

Впервые деревня проступает на бумаге в 1831 году – на знаменитой топографической карте Шуберта, где тщательно вырисованы все окрестности Санкт-Петербурга. Ижоры – двенадцать дворов, ветер, поля, тишина. Через семь лет ревизия запишет: владелец – генерал-майор Шкурин, жителей пятьдесят один.

Но подлинное величие этой земли открылось не в именах генералов. В 1848 году этнографическая карта Кёппена покажет то, что не видно глазу путешественника: в одном крошечном селении живут два народа. Ижоры – православные, потомки древнего финноязычного населения этих мест. Инкери-савакоты – лютеране, переселенцы, чьи предки пришли сюда столетия назад. Два языка под одними крышами, две веры, два прихода – и одна деревня.

Это было не противостояние, а сожительство – тихое, будничное, как соседство двух печных труб над одной крышей. Ингерманландия жила чересполосицей народов столетиями, и Ижора была её маленьким, но полновесным зеркалом. Разве не величие – уместить на полтора десятка дворов историю целого края?

Потом владельцы шли своей чередой, как облака: генерал Шкурин, затем княгиня Трубецкая. В списках 1862 года деревня скромно описана как владельческая, «при колодцах», с пятьюдесятью двумя жителями. При колодцах – словами не передать, какая это точная и честная характеристика северной деревни: вся её жизнь – колодец, поле, лес и дорога.

Двадцатый век застал Ижоры набирающей силу. Перепись 1926 года насчитала шестьдесят два жителя – русские и эстонцы, снова две культуры под одной деревенской вывеской. В 1931 году на карте значилось восемнадцать дворов и ветряная мельница – сердце деревенского мира, крутящаяся крылья которой значили жизнь, хлеб, порядок.

К 1939–1940 годам население достигло сотни человек. Сто человек – это целая вселенная: перекличка на сходе, крики детей у мельницы, окна, загорав-

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

шиеся одно за другим с наступлением темноты. Это был пик, о котором деревня потом вспоминала десятилетиями.

Война пришла в августе сорок первого и осталась до декабря сорок третьего – больше двух лет оккупации на самой земле, по которой катились фронты к Ленинграду и от него.

А в сентябре сорок третьего случилось то, что вписало в семейные хроники самые страшные строки: жителей угнали на принудительные работы в Германию – через Прибалтику, в неизвестность. Вернувшиеся после войны застигали родные дома разграбленными. Одной из ижорских семей довелось жить в таком доме с конца девятнадцатого века – и пережить и угон, и возвращение, и пустые стены.

В этих судьбах – величие особого рода: не триумфальное, а выстраданное. Способность деревни в тысячу раз меньше города вынести удар, который сломал бы государства.

После войны Ижора, как и тысячи деревень страны, начала медленно выдыхаться. Семьдесят два человека в 1958-м, тридцать восемь в 1970-м, тридцать один к 1979-му. Молодёжь уходила в города, ветряная мельница давно замолчала, дворы пустели один за другим. К 2007 году в деревне оставалось семь душ – цифра, от которой сжимается сердце: семь человек хранили память о сотне живших здесь когда-то.

Но у этой истории оказался финал, которого не ждали. Век дачной миграции вернул в умирающую деревню жизнь: по переписи 2021 года в Ижоре снова значилось восемьдесят шесть человек. Люди, нашедшие здесь второй дом, вряд ли догадываются, что покупают не просто участок, а место с двухвековой памятью – о ижорах и инкери, о княгине Трубецкой, о мельнице, об угнанных и вернувшихся.

В чём же величие этой маленькой деревни? Не в размерах и не в громких событиях. Оно в редкой способности вместить и пронести через два столетия главное: многовековое соседство народов, трагедию и возрождение, – и при

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

этом сохранить своё имя, своё место у колодцев, свою дорогу между Холоповицами и Шпаньково.

Большие города ломают и перестраивают себя. Маленькая Ижора сделала то, что не удаётся многим большим: дожила до наших дней, не потеряв себя. И пока у дороги стоят её дома, а на карте значится её имя, продолжается история, которая началась задолго до первых карт – где-то там, у ижорской реки, где народ, давший ей имя, впервые назвал эту землю своей.

Список литературы

1. Топографическая карта окрестностей Санкт-Петербурга, снята под руководством генерал-лейтенанта Шуберта и гравирована при военно-топографическом депо. 1831 год.

2. Koppen, Peter von (1793–1864). Erklarender Text zu der ethnographischen Karte des St. Petersburger Gouvernements / Peter v. Koppen. – St. Petersburg, 1867. – VII, 150 c.

3. Описание Санкт-Петербургской губернии по уездам и станам. – Санкт-Петербург: Губернская типография, 1838. – 144 с.

4. Петергофский у., Шунгоровская вол., д. Ижора О выкупе крестьянами своих наделов. О ремонте дороги. О возврате земли. По жалобе на земского начка. Ревизская сказка влад. Шкурин. Влад. Трубецкая Е.Е. Выкупное дело влад. Трубецкая.

5. Никишкин, А. В. Исторический очерк о родном крае (Деревня Ижора) / А. В. Никишкин // Историческая память как фактор национального возрождения и диалога культур: теоретическое осмысление, историографические дискуссии и социальные практики (к 70-летию профессора Т.Н. Ивановой) : материалы Всеросс. науч.-практ. конф. – 2026. – Чебоксары : Среда, 2026.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)